

Неделя французской кухни

Апофеозы фестиваля балета в Мариинском театре

Ирина Губская
Санкт-Петербург

Фестиваль балета «Мариинский» подошел к концу. В финальных балетах Ноймайера обошлись без гастролеров. Масштабная неделя началась «Шелкунчиком». За год утративший лоск сенсационный петербургский балет прошел вполне буднично, без аплодисментов. Далее зал оживился на «целую французскую кухню» — показе парижских этю-

ком-пьес «Бахчисарайском фонтане». Мелкая пластика танца словно контролировалась правилами охраны труда и техники безопасности применительно к балетному театру. Именно так движения делаются на уроке. Но — не танцуют на сцене. Танец де Грие напоминал спокойно-вежливый разговор — с акцентами и интонацией, без повышенных и патетических ноток, как положено благополучному моралисту эпохи Просвещения, своеобразному дякишке-режиссеру.

корифею) было проще — его исполнение вполне вписалось в концепцию полярностей. Хищник с недобрим лицом противостоял де Грие, напоминающему у Владимира Малахова трогательного героя «Человека дождя». У Жанны Аюловой авантюристка Манон и впрямь казалась добродетельной жертвой. Спектакль держался на каргасе роли де Грие. Его первая вариация — едва осознавшее себя чувство, полусон, как первый дуэт Шарин и Ферхад в «Легенде о

школе танца как хореографический канцеляризм. Зигфрид — Данила Корсунцев (кстати, на сегодня практически единственный репертуарный, а не только статусный премьер Мариинки) не отстал: усердно пробивал сцену на приисках после прыжков и вращался столь обстоятельно, что музыке приходилось замедлять.

Вечер балетов Баланчина отчасти реабилитировал гостей. Правда, и Мариинка здесь играла в поддавки. «Серенада»

сделала роль калькой с маринских балерин, дотянуться до этого уровня «перенимчивая» артистка не смогла. Она способна сделать вычурный жест — но не способна наполнить его энергией. После вариации Ромео на балконе в него влюбился, кажется, весь зал. Устояла лишь Джульетта. Деловито встала в арабеск, изобразив спокойную и равнодушную радость. Пока Ромео дрался с Тибальдом — спокойно набивала в окошко. Если актерская Франция в прошлом славились

Николай Ле Риш и Дарья Павленко в балете «Блудный сын».

реабилитация — 2002 — 20 марта — с. 8.

ли в дуэтах с маринскими премьерами. Недавняя сенсация Парижа — Светлана Захарова — танцевала в «Корсаре». Париж не прошел для балерины бесследно: ее танец приобрел легкую «французскую» отрывистость. Игорь Колб первый раз станцевал на своей сцене Али, создав собственную пластическую линию, где виртуозный танец не добился до трюков.

Сентиментальная же «Манон» распалась на две: Вишнева танцевала с Манюэлем Легри, Малахов — с Жанной Аюловой. Спектакли выстроились на полярностях. Разлились два де Грие. Манюэль Легри далеко не юн. Первое его появление с книгой в руках напоминало выходы пастора в ка-

Главным содержанием любовных дуэтов оказалась Манон Дианы Вишневой. Она азартно бросалась в рискованные поддержки, даже кровать пошатнулась от прыжка. Ее Манон, искренняя, увлекающаяся и жаждущая жизни, к концу спектакля расцвела даже незомутитого Легри — де Грие. Впрочем, азартом танца и актерской игры французский этюд уступал не только балерине. Мариинский корифей (в перерыв на одну ступень выше кордебалетного тандема) Максим Хребтов в роли Леско безуспешно старался не переставать затрагивать значительность.

Леско следующего спектакля Василию Щербakovу (тоже

любию», а вариацию в борделе де Грие начал записывая, словно записывая от волнения. Лишь ко второму акту установилась легкость движений и поддержки. Этот де Грие если бы мог положил бы Манон за пазуху, как замерзшего воробья.

«Лебединое озеро» танцевала Альбес Летестю. Одета делала все, но ничего не танцевала. На арабесках наклонялась, руками словно вытирала пол. Одиллия также отработала хореографию. Только фузе слежка напоминало о предшественнице нынешней этюда на Кировской сцене Сильви Гидем техникой равномерного вращения. Летестю наиболее выразительно определяла пышный стиль французской

Манон (Диана Вишнева) и кавалер де Грие (Манюэль Легри).

Фото Натальи Радиской

шла в костюмах из «Жизели» и в составе уровня рядового репертуарного спектакля. Зато «Блудный сын» был именно о блудном сыне. Николай Ле Риш, коренастый и подвижный, как ртуть, изобразил своего героя бузотером и домашним бедствием, у которого каждая мышца играет и заставляет подпрыгивать и бежать из-под благословляющей длани отца. Сирена Дарья Павленко стала обстоятельной и деловой. Манюэль Легри в «Рубинах» (исшедших без декораций) почти отыгрался за «Манон».

Орени Дюпон в роли Джульетты возраст, казалось бы, не мог помешать. Тем более ей достался лучший маринский Ромео Андриан Фадеев. Но,

школой представления — то нынешняя Парижская опера ее заметно позабыла, а к школе переживания и подливо не пришла. По нынешним выступлениям парижских гостей сложно представить и то, что французский и русский балет некогда были близки.

Итак, Мариинка подошла к финалу второго балетного фестиваля. В этот раз репертуар был составлен «неакадемично»: не показали ни «Жизели», ни «Спящей красавицы», ни «Баядерки», ни «Дон Кихота». А гастролеры представили одну из ведущих балетных трупп мира. Ну что же, они сделали свое дело: у нас возросла гордость за достижения собственного Мариинского балета.